

ЭСЕРЫ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1911 – НАЧАЛЕ 1917 ГГ.

© 2009 В.Н. Кузнецов

Ульяновский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25.12.2008

В статье исследуются различные аспекты истории социалистов-революционеров в Среднем и Нижнем Поволжье в 1911 – начале 1917 гг.: организационные вопросы и изменение тактики в связи с новыми политическими реалиями в стране, отношение к войне, борьба за влияние на массы. Показано, что социалисты-революционеры оставались дезорганизованы и малочисленны, они потеряли связь с массами, не проявляли активной деятельности. В годы войны большинство социалистов-революционеров заняли оборонческую позицию и прекратили борьбу с властью.

Ключевые слова: эсеры, революция, террор, оборончество, интернационализм, пропаганда, агитация, организация, кружки, легальные организации, аресты.

В годы революции 1905-1907 гг. эсеры Среднего и Нижнего Поволжья показали себя серьезной политической силой. В губерниях существовали правильные разветвленные организации, в значительных масштабах осуществлялась печатная пропаганда, проводились впечатляющие акции террора (убийство двух губернаторов: самарского И.Л. Блока (июль 1906 г.) и симбирского К.С. Старынкевича (сентябрь 1906 г.); в декабре 1907 г. был убит начальник самарского ГЖУ и начальник Поволжского районного охранного отделения полковник Бобров), представители партии становились членами I и II Государственных Дум. 1908 г. оказался последним годом активной эсеровской деятельности в регионе. Репрессии властей, отход от партии “сочувствующей публики” сделали свое дело. Организации оказались разбиты, политическая деятельность практически свелась к нулю.

В Самаре в 1911 г. местные эсеры группировались вокруг местного партийного активиста Я.А. Богословова. Ему удалось в апреле - мае 1911 г. организовать две партийные группы в Бугурусланском уезде Самарской губернии, но уже в том же мае обе они были ликвидированы властями, а сам Я.А. Богословов арестован. После этого в 1912 г. на роль партийных лидеров в 1912 г. вышли братья Н.М. и В.М. Красавцевы, но ничего сколько-нибудь существенного в течение всего года эти люди не сделали. Попыток воссоздать организацию даже не предпринималось. Положение было настолько безнадежным, что в декабре 1912 г. группой городских эсеров (В.М. Красавцев, Е.А. Костюшко-Валюжинич, И.И. Калюжнов, И.С. Самодуров и др.) даже был поднят вопрос об объединении с социал-демок-

ратами. Однако до конкретных шагов дело не дошло. Как раз вышел очередной номер городской газеты “Волжское слово”, где была напечатана написанная социал-демократами в обидном для эсеров тоне статья “Пора, пора, трубят рога”. Социалистов-революционеров это оскорбило, и они отклонили вопрос об объединении, правда, не в принципе, а “пока” [1]. Только двое (И.С. Самодуров и И.И. Калюжнов) твердо протестовали против этого. В январе 1913 г. до эсеров Самары дошли слухи о том, что, якобы, решили объединить свою деятельность верхи ПСР и РСДРП, и что в Петербурге вскоре должен состояться совместный съезд делегатов от обеих партий. Обрадованные самарские эсеры поспешили избрать делегатом В.М. Красавцева, но затем выяснилось, что это “утка” [2].

Саратовским эсерам, как и их самарским единомышленникам не удалось даже подойти к воссозданию партийной организации. В сентябре 1912 г. начальник ГЖУ полковник Комиссаров докладывал в столицу: “В настоящее время сплоченной группы эсеров нет. Есть отдельные лица, известные по своей принадлежности к партии в прошлом” [3]. В январе 1914 г. местный эсер со стажем Н.В. Левченко поднял-таки вопрос о воссоздании в Саратове организации ПСР, для чего он предложил издавать легальный журнал. Идея была хорошей, вот только ее никто не поддержал.

Подобным образом обстояло дело в Симбирске. Оставшиеся на свободе и не разуверившиеся в партийных идеалах пять-десять человек даже и не помышляли о воссоздании организации, настолько это не вязалось с общей ситуацией в губернии и стране. Немного благоприятней положение дел сложилось в Сызрани. В апреле 1911 г. на квартире высланного из Саратовской губернии бывшего учителя Е.К. Овчинкина собралось шесть человек (присяж-

Кузнецов Валерий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории. E-mail: ulgpi@mv

ный поверенный Я. Зубцов, Н.С. Щеглова и др.). Встал вопрос об организации. Мнение большинства выразил техник-строитель А.М. Стрелков, сказавший, что “момент еще не наступил, с такими ничтожными силами соорганизоваться и работать с пользой невозможно” [4]. Против такого подхода выступили двое (Е.К. Овчинкин и Я.И. Насонов), но повлиять на общее решение они не могли.

Весной 1911 г. в Астрахани собралось одиннадцать человек, в основном эсеров (ссылные Гольденберг, Скворцов, бывший депутат II Государственной Думы Н.И. Долгополов и др.), но пришли и несколько ликвидаторов. Общее мнение оказалось таково: необходимо покончить с бесцельной зависимостью от центральных комитетов, работа должна идти через журнал, где не будет партийной окраски, а будут подниматься только конкретные социальные проблемы. Эсеры должны брать пример с ликвидаторов, идти на легализацию и превратиться в партию немецкого типа. Необходимо принять участие в думских выборах, образовать там свою фракцию, отбросив крайности партийной программы [5].

Предложенная программа интересна как свидетельство эволюции партии. Можно отметить, что уже в 1911 г. эсеры стали приобретать ту политическую физиономию, которая станет доминировать у них после Февраля 1917 г. Это, пока подспудное, изменение станет неожиданным для многих членов ПСР в послефевральский период. Ответить на вопрос о причинах исчезновения непримиримости и решительности попытался в 1921 г. Б.В. Савинков. В статье “О партии социалистов-революционеров” он писал: “Как это могло случиться? С 1901 года партия боролась против царя: “В борьбе обрешь ты право свое”. Какой длинный и скорбный список ее вождей, какой мортиролог безмолвных страданий... Гоц, Гершуни, Карпович, Каляев, Сазонов, Вноровский, Покотилов, Зильберберг, Сулятицкий, Никитенко, Прокофьева... Тысячи людей отдали за партию свою жизнь, тысячи погибли на катоге, в тюрьме и в Сибири... В 1917 году партия, наконец, победила. Но ни Гоца, ни Гершуни, ни Сазонова и никого из тех, кто был в передовых линиях партийного “фронта”, уже не оказалось в живых. Появились люди “резервов”, близких и далеких “тылов”. Керенский поднял партийное знамя. Вчерашний присяжный поверенный, он заменил революционеров Сазонова и Гершуни. Человеку тыла чужда психология фронта. Ему чужда жестокая, беспощадная и самоотверженная борьба. Керенский и не пытался бороться. Примеру его слабодушно следовали другие. Святой дух угас. Партийное дело заменилось партийным словом” [6].

Действительно, оставшиеся к февралю 1917 г. в живых адепты террора более не приветствовали его. Вот какой разговор с О.С. Минором, состоявшийся сразу после свержения царизма, приводит саратовский большевик В.П. Антонов: “Зашла речь о судьбе царской фамилии. Я высказал мысль, что... в интересах революции придется не только предать ее суду, но и уничтожить.

– Нет, зачем же? – задумчиво вздохнул Минор, – время террора по отношению к ним миновало. Народ сбросил их с трона, обезвредил их и превратил едва ли не в самых жалких граждан страны. Пусть прозябают...

Так говорил один из опаснейших для самодержавия террористов.

– Что стало с ним, – удивлялся я, – откуда такой поворот, такое вегетарианство, – Лишь теперь, после опыта гражданской войны, мне стало понятно это катастрофическое перерождение психики революционеров из мелко-буржуазной среды” [7].

Б.В. Савинков только частично объяснил причины такой эволюции партии. Думается, причина еще и в том, что тактика напрямую зависела от видения характера революции. Пока эсеры не вдавались в эту проблему, имело место желание любой ценой, быстрее уничтожить ненавистное самодержавие. Но как только жизнь (поражение первой революции, столыпинская реакция, предвоенный экономический подъем) заставила партийцев задуматься над осмыслением грядущей революции и они дали ответ о ее буржуазной направленности – все изменилось. Теперь их политика не должна была входить в противоречие с идеалами и ценностями буржуазной демократии. А социальная физиономия оставшихся эсеров облегчила этот переход.

Вести борьбу за массы, когда связи с деревней потеряны, организации нет и не предвидится и в губернских городах в лучшем случае десятка-полтора партийных лиц (в Самаре в апреле 1912 г. на контроле у жандармов находилось 10 человек [8]) весьма сложно. Положение стало настолько “аховое”, что загрузили и секретные сотрудники ГЖУ, которым нечего было докладывать, а значит, не за что было и получать деньги. Один из них, по кличке “Дружинин”, проживавший в Николаевске Самарской губернии, даже выдумал в ноябре 1911 г. некоего приезжего террориста, якобы запланировавшего серию ограблений и терактов. “Дружинина” самарские жандармы быстро вывели на чистую воду и от услуг его отказались.

В январе 1913 г. эсеры Самары осознали, что нелегальная работа им совершенно не под силу, не говоря об уже подзабытых “эксах” и терактах. Собравшись в количестве 12 человек, они решили вести партийную работу в профсоюзах. Сразу

же были назначены и ответственные: в общество народных университетов – Е.А. Костюшко-Валюжинич, к печатникам – В.М. Красавцев, в общество приказчиков – И.С. Самодуров. Во всех трех случаях успех оказался самым минимальным.

К концу 1913 г. самарские эсеры имели какие-то позиции только на самом боевом заводе города – Трубочном, где одним из заводил был переехавший в Самару симбирский эсер М.И. Егоров. Рабочие данного завода сами высказывали желание организовать кружки на платформе ПСР. Более того, они сами пошли на квартиру к Е.А. Костюшко-Валюжинич с просьбой порекомендовать им лиц, которые бы могли вести кружковую работу. Та посоветовала им Л.Д. Шадрина, В.М. Красавцева и И.С. Самодурова. Рабочие от таких кандидатур отказались. Очевидно, у всех троих имелась определенная репутация, которая пролетариев не устраивала. Больше не оказалось никого, кто бы мог помочь рабочим в их самоорганизации.

В феврале 1914 г. на квартире Е.А. Костюшко-Валюжинич собралось три человека, в том числе М.И. Егоров и отбывший наказание В.Х. Дуберштейн, активный городской эсер в 1905-1907 гг. Обсуждалась ситуация на Трубочном заводе. Хозяйка квартиры была убеждена, что хотя завод и атакован социал-демократами, но не все потеряно, у неё есть там два человека, которые распространяют эсеровскую периодику. Вероятно, мнение пришедших не было столь оптимистичным. Тогда Е.А. Костюшко-Валюжинич предложила переориентироваться на деятельность в Обществе разумных развлечений и, в частности, привлечь в него приказчиков и образовать среди них под легальным прикрытием тайный кружок для революционной деятельности. На том и расстались.

В конце марта 1914 г. состоялось общее собрание Общества разумных развлечений с целью формирования его руководящих органов. Правление предложило формировать секции по партийному принципу: из пяти человек три члена РСДРП и два члена ПСР. Все, вроде бы, согласились с этим предложением, но против выступил ликвидатор К.С. Шехтер, предложивший голосовать исключительно за социал-демократов, так как эсеры внесут раздор [9]. После этого прошли выборы. Эсеры смогли не только провести в руководство своих людей, но и в библиотечной и хозяйственной секции даже потеснить социал-демократов. Одним из пяти эсеров в хозяйственной секции стал М.И. Егоров (арестованный почти сразу же после этого). В библиотечную секцию среди четырех социалистов-революционеров при трех социал-демократах вошла Е.А. Костюшко-Валюжинич.

В Саратове в мае 1911 г. эсер Ф. Тихонов установил связи с работниками кроватной фабрики Когана, написал устав кружка, подобрал около 40 экземпляров партийных изданий, пролежавших в тайнике с прошлых лет. Цель кружковой работы он видел в пропаганде социализма и в объединении всех признающих программу ПСР. Стоит отметить, что в уставе не было ни слова о терроре [10]. Невозможность и безрезультатность его проведения осознавалась уже всеми. Кружковая работа не заладилась, помощи от товарищей по партии Ф.Тихонов не получил, и вскоре кружок распался.

В июне 1913 г. нелегально проживающий в Саратове эсер Г.П. Ильин решил разжиться деньгами, для чего начал разрабатывать соответствующие планы. Ему нужен был настоящий паспорт, и поэтому Г.П. Ильин решил “нанять” для работы на даче крестьянина, по дороге убить его и завладеть документами. Кроме того, он запланировал ограбление артельщика фабрики “Саратовская мануфактура”. Чтобы не допустить реализации намеченных планов, власти арестовали Г.П. Ильина. Городские эсеры к его задержанию отнеслись равнодушно, так как он вел себя по отношению к другим заносчиво, да и его планы уже почти всем не imponировали [11].

В Симбирске в 1911 г. дальше разговоров местные эсеры (В.И. Алмазов, отсидевшая два года в тюрьме Л.Е. Гальцева, С.И. Порфирьева и еще два-три человека) не шли. Планы были следующими: создать кружок для пропаганды среди солдат, организовать побег из тюрьмы своих товарищей, с целью получения денег ограбить сборщика казенных винных лавок. Все эти предложения были отвергнуты из-за явной нехватки сил и опасности репрессий. В этом же 1911 г. в Симбирск нелегально прибыл бежавший из ссылки в Тобольской губернии бывший член Поволжского областного комитета И.Е. Колдобский. Через свою агентуру жандармы своевременно узнали об этом. И он, и те из эсеров, с кем он общался (Л.Е. Гальцева, В.М. Красавцев, Х.Е. Шейман), были арестованы [12]. Это еще больше заставило городских эсеров насторожиться и отказаться от реальной работы.

Положение в Сызрани охарактеризовал в 1911 г. помощник начальника ГЖУ ротмистр Ивлев: “В Сызрани в настоящее время кружка эсеров не существует, есть отдельные члены этой партии, которые имеют сношения между собой, много говорят по поводу возобновления прежней работы, но особой политической деятельности не проявляют” [13].

Распространение, а тем более издание собственной печатной продукции проводилось поволжскими эсерами в самых незначительных

масштабах. В основном дело ограничивалось передачей из рук в руки нескольких экземпляров центральных нелегальных партийных газет, получаемых вложенными в письма (например, “Знамя труда”).

В 1914 г. эсеры Самары все же наладили распространение партийной газеты “Стойкая мысль”, но рабочие по каким-то причинам не желали читать её. В апреле 1914 г. городские социалисты-революционеры выпустили гектографированное воззвание “К товарищам трубочникам”, отпечатав его в количестве 50 штук. Написала его Е.А. Костюшко-Валюжинич. Там говорилось, что “газет к нам мало проникает, да читаем-то мы их спустя рукава. Не только не бастуем за них, не только гривенник жалко отдать за них в получку, но часто верим первому вздорному слуху о них и отрекаемся от них” [14]. Смысл этой филиппики заключался в том, чтобы убедить рабочих читать “Стойкую мысль”.

В Саратове, как и в Самаре, эсеры получали из-за границы несколько экземпляров “Знамени труда”. Были и собственные начинания. В феврале 1913 г. местный член ПСР Исупов начал издавать легальный журнал “Отклики”, но уже в марте того же года из-за низкого тиража, финансовых потерь и истощения средств его выход в свет прекратился [15]. В январе 1914 г. несколько эсеров во главе Н.В. Левченко с целью объединения городских социалистов-революционеров и им сочувствующих вновь задумали издавать легальный журнал. Но авторитет Н.В. Левченко был уже не тот, как в предшествующие годы, многих товарищей по партии возмущало его “генеральское поведение”, и журнал так и не вышел.

В Симбирске все это время выходила выпускаемая эсерами газета “Волжские вести”. В редакции работали наиболее видные из оставшихся на свободе и верных прежним идеалам членов партии, в том числе В.И. Алмазов. Периодическое издание находилось под строгим контролем властей, неоднократно штрафовалось, что сказывалось на направленности печатающихся статей. Судя по ее публикациям, газета никак не являлась рупором революционной партии, а скорее напоминала газету умеренно-оппозиционного направления. Отсюда и ее минимальная польза именно для дела ПСР. В 1911 г. работающие в редакции “Волжских вестей” эсеры задумали на ее типографской базе выпустить прокламации для новобранцев, но боязнь репрессий остановила это начинание.

В 1911 г. сызранские левые, главным образом эсеровского направления, начали издавать газету “Сызранский труженик”. Редактором стал помощник присяжного поверенного К.А. Вовк-Россохо, его правой рукой – А.М. Стрелков. По-

явление новой газеты власти встретили с неудовольствием. Первый же номер газеты был конфискован, редактор оштрафован на 500 р., и дальнейший выпуск ее прекратился.

В Астрахани в декабре 1913 г. перешедший от социал-демократов А.С. Сучков отпечатал на гектографе воззвание к 9 января, но распространить их не смог.

Годы войны не укрепили эсеровскую партию. В Саратове эсеры попытались объединиться лишь в апреле 1916 г., когда собравшиеся 10 человек обсуждали вопрос, как практически организовать партийную группу и как осуществить ее деятельность. С этой целью избрали комиссию из четырех человек (Меер, Раковский, Козырев и нелегальный “солдат Сергей”). Из этих планов ничего не вышло, Раковский перешел к максималистам, остальные бездействовали. Апатия была велика. Как пример можно привести отрывки из письма (октябрь 1914 г.) своему единомышленнику С.В. Аникина, бывшего члена I Государственной Думы, затем эмигранта, вернувшегося в 1914 г. в Саратов: “Саратов что-то сер и уныл, все больше встречаюсь со старыми знакомыми, то они меня удивляют, то я их поражаю. Далеко я ушел от прежнего и не тянет меня в “герой”... Как радостно, что я ушел от грязи, как досадно, что брызги все же долетают иногда” [16].

В Самаре эсеры в годы войны так и остались на неорганизованном уровне. В январе 1916 г. их насчитывалось пятнадцать, в ноябре 1916 г. - пять человек [17]. Лишь однажды, в январе 1916 г. они смогли образовать партийный кружок фельдшерских учеников. Туда вошло 20 человек, работу среди них вел П.А. Шаляпин, но просуществовал кружок недолго. В Симбирске и Астрахани несколько сохранившихся эсеров не имели ни сил, ни желания организовываться.

Война расколола эсеров на интернационалистов и оборонцев. В Самаре в большинстве оказались вторые. После начала войны на собрании городских эсеров 2/3 голосов “за” была принята следующая резолюция: “Считаясь с фактом войны, общее наше отношение к которой может быть только отрицательным, и, принимая во внимание, что та политика милитаризма и империализма, в корне противоречащая интересам демократии, которую многие годы вела Германия и следствием которой явилась настоящая война, только укрепит и усилится, если Германия выйдет победительницей из этой войны, и непременно желая победы коалиции против Германии, в настоящий момент воздерживаемся от всяких выступлений, могущих ослабить силу сопротивления России” [18].

Однако, меньшинство не оставляло надежд провести свою точку зрения. Лидером их являлся портной Ф.А. Белоусов. 2 сентября 1914 г. на

его квартире состоялось собрание восьми эсеров. Е.Б. Щеголева, В.Х. Дуберштейн, В.В. Галкин, А.Г. Ипатов стояли том, что в настоящее время всякая антивоенная агитация вредна, и отражать врага необходимо, но без аннексий и контрибуций, так как народам воюющих с Россией империй и так негде жить.

Видя, что самарских однопартийцев ему не убедить, Ф.А. Белоусов отправился в Саратов и Астрахань, где якобы от имени самарских эсеров он агитировал за борьбу против войны. 2 октября 1914 г. на партийном собрании голоса разделились: 4 против 3-х не в его пользу. Кроме того, ему вынесли порицание за самоуправство в связи с его поездкой по Нижнему Поволжью.

Вопрос о войне у самарских эсеров вновь обострился в 1915 г., после ссылки сюда из разных городов их однопартийцев. Коренные самарцы и часть ссыльных, всего в количестве 8 чел. во главе с Е.Б. Щеголевой (С.Г. Арсенов, Ф.А. Мавринский, отбывший ссылку в Нарымском крае, П.А. Шаляпин, высланный из Москвы, С.К. Башкин, высланный из Петрограда, А.В. Предтеченский и др.) стояли за признание войны и за победу в ней России. 7 высланных (из Ростова-на-Дону Ц.М. Вейнберг, из Харькова Л.Ф. Петрулевич, из Москвы В.М. Иванова и др.) во главе с высланным из Харькова студентом Н.А. Бражником выступали за немедленное всеми способами прекращение войны и за заключение мира без аннексий и контрибуций.

Н.А. Бражник получил циммервальдовскую резолюцию, по его требованию ее напечатали на гектографе под названием “Манифест к рабочим” и распространили в Самаре. В августе 1915 г. эсеры приняли новую резолюцию о войне: “Народники не желают мешать войне, считаясь с тем, что у них нет пока достаточно сил для предотвращения этой мировой бойни, но объединяются для практической деятельности... Самарская группа народников требует мира без аннексий и контрибуций” [19]. Н.А. Бражнику и его единомышленникам удалось взять верх, но с этой резолюцией не согласились Е.Б. Щеголева, С.Г. Арсенов и др. Эсеровское общество в Самаре раскололось. Е.Б. Щеголева в сердцах воскликнула: “Кто они такие, откуда приехали в Самару, только мешают работать?!” [20].

Оборончество большинства самарских эсеров не означало их отказа от революции как своей главной цели. В той же резолюции, где речь шла о войне, вторым пунктом шло следующее: “Уверенные в том, что в случае победы наше правительство использует все возможности, чтобы через это укрепить свое положение, и что тот общественный подъем, какой замечается в связи с текущими событиями, не вылившись в ре-

волюционные формы, в лучшем случае, может побудить его лишь к незначительным уступкам, ничего не дающим демократии – мы должны, учитывая настроение страны, приложить все усилия к тому, чтобы по окончании войны, а при благоприятных обстоятельствах и раньше – вызвать революционное движение характера вооруженного восстания и всеобщей забастовки, подготовка к которому народных масс и армии является задачей данного момента и определяет нашу тактику” [21].

В духе этой резолюции в ноябре 1914 г. эсеры подготовили и распространили прокламацию (несколько сот штук) с призывами к революционной работе, восстанию, достижению демократической республики. Эта акция привела к обыску у 12 эсеров и аресту 4-х (Ф.А. Белоусов, В.В. Галкин, П.П. Мельников, Бурматов), а распространить многие прокламации революционеры не успели.

Сделав выводы, члены партии больше не стали торопиться с выпуском новых воззваний. Лишь в апреле 1916 г. А.В. Предтеченский своими силами выпустил новую прокламацию, распространявшуюся по почтовым ящикам. С этой акцией своего однопартийца категорическое несогласие выразили Е.Б. Щеголева и Н.В. Марков, заявившие, что выпускать воззвания сейчас вообще не время. Действительно, начались новые аресты, схваченным оказался и сам А.В. Предтеченский. В наказание за своеволие товарищи по партии лишили его денежной помощи на дорогу к месту ссылки в Иркутскую губернию.

Тем не менее, в ноябре 1916 г. из эсеровской среды вышла еще прокламация. “Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты, – говорилось там, – За два с половиной года братоубийственной войны пали жертвой миллионы человеческих жизней, израсходованы сотни миллиардов народных денег и все это для того, что понадобилось правительствам и господствующим классам воюющих держав расширить свои территориальные и промышленные владения. Ее надо ликвидировать как можно скорее” [22]. После ее выпуска власти арестовали еще двух человек (В.П. Батурин, И.Т. Журавлев).

С лета 1915 г. обсуждался вопрос о выпуске своей легальной газеты. Е.Б. Щеголева настаивала на придании ей умеренного характера, чтобы сохранить ее существование. В конце 1916 г. эсеры Самары смогли организовать ее выпуск, называлась газета “Вести”. Редактором являлся В.В. Кирьяков. Однако в январе 1917 г. газету закрыл губернатор, всего вышло пять номеров [23].

Симбирские эсеры заняли оборонческие позиции, их лидер В.И. Алмазов со своей гражданской женой эсеркой Е.Я. Сосниной в качестве

служащих Всероссийского земского союза добровольно пошли на фронт. Революционную пропаганду они не вели, Е.Я. Соснина заведовала там чайною Союза, все же, когда армейское начальство в январе 1917 г. узнало их революционное прошлое, то удалило обоих на родину, в Симбирск [24]. Эсеры Саратова и Астрахани также оказались оборонцами.

Экспроприаторскую деятельность пытались продолжить лишь эсеры Саратова. В мае 1916 г. сюда из Самары, а туда из Петрограда прибыл некий "Семен", который стремился создать здесь экспроприаторскую группу. Нашлись желающие войти в нее, главным образом из числа булочников. Власти постарались не допустить укрепления экспроприаторской группы и в октябре 1916 г. арестовали 4 человека, что похоронило грабительские планы. Участие в этом начинании не противоречило тактическим принципам поволжских эсеров, которые официально не отказывались от террора. В принятой самарскими эсерами резолюции в конце августа 1914 г. указывалось на необходимость организации террора и намечались ответственные (Ф.А. Мавринской и Ф.А. Белоусов), но дело дальше слов не пошло.

Региональные эсеры понимали важность работы в легальных органах, тем более что ничего другого им реально не оставалось. По 10-12 неорганизованных членов партии в губернских центрах, полностью утративших связи с деревней, могли проявить себя лишь через этот вид работы. Однако больших перспектив не имелось. Для этого, как сами они понимали, надо было вытеснить из легальной сферы социал-демократов, а это оказалось делом сложным и, более того, невозможным. А когда не мешали большевики или меньшевики, то препятствием становились сами рабочие. Например, в октябре 1915 г. эсеры Самары решили организовать легальное профобщество булочников, но ничего не вышло из-за апатии рабочих, хотя среди булочников у социалистов-революционеров имелись самые прочные позиции. В январе 1916 г. агентура докладывала в ГЖУ: "Кружков у группы не имеется. Они остаются в проекте, подпольная работа не налаживается из-за отсутствия рабочих сил и из-за боязни рабочих быть уволенными и попасть на войну" [25].

Все же эсеры Самары по мере возможности старались проявить себя в легальной жизни города. Это получалось там, где социалисты-революционеры вступали в союз с либералами. В июне 1915 г. здесь состоялся областной съезд по борьбе с дороговизной, организованный Союзом городов, в котором принял участие местный эсер городской контролер В. В. Кирьяков.

Эсеры Самары не проявили себя как сила,

способная воздействовать на рабочие массы и во время выборов в рабочие группы ВПК. Левая интернационалистская группа во главе с Н.А. Бражником выступала, безусловно, против участия в выборах. Допускалось лишь участие с агитационными целями на предварительных собраниях. Правая оборонческая группа во главе с Е.Б. Щеголевой стояла за участие в выборах. Она получила перевес в один голос, и эсеры приняли участие в предвыборной кампании, но почти безрезультатно. Как отмечали сами социалисты-революционеры, "тормозом к работе являются социал-демократы меньшевики, ведущие кампанию по избранию рабочих в ВПК, к которым рабочие идут более охотно" [26].

Отсутствовало единство у городских эсеров и по вопросу предстоящих выборов в Государственную Думу. Группа Е.Б. Щеголевой выступала против участия в них, группа Н.А. Бражника считала необходимым иметь в Думе представителей своей партии, а в настоящей Думе видела своим человеком А.Ф. Керенского.

В годы войны эсеры стремились попасть в легальные организации и закрепиться там. В Саратове эсеры Канавин и Леонтьев входили в правление общества внешкольного образования "Маяк". Нелегальная деятельность ограничивалась работой в 2-х небольших кружках: среди рабочих (руководитель Декатова) и студентов (руководитель Меер).

Несколько симбирских эсеров (все оборонцы) полностью отказались от нелегальной работы, считая, что "во время войны она немыслима и бесполезна" [27]. По возможности они стали устраиваться в легальные организации, например, В.И. Алмазов и Е.Я. Соснина стали членами Всероссийского земского союза.

В Астрахани эсеры также стремились к легальной работе. 6 августа 1916 г. на загородный пикник собралось девять человек (М.В. Евреинов, Н.К. Колпачков, сестры Либих и др.). Решили обратить особое внимание на кооперативное общество, через которое можно вести агитацию и вербовать новых членов, а также через библиотеки, лекции, пикники, загородные прогулки. Что характерно, эта "вербовка" предполагалась не среди городских низов, а среди интеллигенции [28].

Таким образом, если сравнить с социал-демократами, эсеры уступали им по всем позициям, в том числе и по влиянию на массы. Эсеров было меньше, чем членов РСДРП(б) или (м), они выпустили меньше прокламаций, хуже обстояло дело с легальной печатью, им не удалось получить определяющего влияния хотя бы на одно общественное учреждение.

Эсеры, как и социал-демократы, наиболее влиятельными в годы войны оказались в Самаре.

Заметим, что если в 1907 г. и в первые послереволюционные годы центром и социал-демократической, и социал-революционной деятельности являлся Саратов, то теперь таковой однозначно стала Самара. Причина – в сочетании в Самаре статуса губернского центра с его возможностями и сравнительного большого промышленного развития. Более развитый в этом отношении Царицын все же являлся уездным городом.

К февралю 1917 г. в регионе партии социалистов-революционеров, как таковой, не было. В губернских городах имелись малочисленные интеллигентские сообщества. Лишь в Самаре эсеры еще удерживали связи с рабочими (булочники). По отношению к войне большинство поволжских эсеров заняли оборонческую позицию. Как и меньшевики, они отложили реальную революционную деятельность до послевоенного периода, их задачей стала необходимость вписаться в существующую общественно-политическую систему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив РФ (ГАРФ), ф. 102, оп. 242, 1912, 9ч.68 л.Б, л. 51 об.
2. ГАРФ, ф. 102, оп. 243, 1913, 9ч. 68 л.Б, л.8 об.
3. ГАРФ, ф. 102, оп. 242, 1912, 9ч.69, л.13.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. 855, оп.1, д.1076, л.441 об.
5. ГАРФ, ф.102, оп.241, 1911, 9ч.5 л.Б, лл.20-21.
6. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. – М.: Вагриус, 2006. С. 488.
7. Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы, т.1. – М.-Л.: ГИЗ, 1925. С. 92.
8. ГАРФ, ф. 102, оп.242, 1912, 9ч.68 л.В, л. 4-4 об.
9. ГАРФ, ф. 102, оп.244, 1914, 9ч.68 л.Б, л.7 об.
10. ГАРФ, ф. 102, оп.241, 1911, 9ч.69 л.Б, л.35
11. ГАРФ, ф. 102, оп.243, 1913, 9ч.69 л.Б, л. 111 об, 112.
12. ГАУО, ф. 855, оп.1, д.1092, лл.7, 17.
13. ГАУО, ф. 855, оп. 1, д.1076, л.193.
14. ГАУФ, ф. 102, оп.244, 1914, 5ч.68 л.Б, л.34-34 об.
15. ГАРФ, ф. 102, оп.243, 1913, 9ч.69 л.Б, л. 48 об.
16. ГАРФ, ф.102, оп.244, 1914, 9ч.69л.Б, л. 88 об.
17. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.68л.Б, л.5; ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.68л.В, л.3.
18. ГАРФ, ф.102, оп.244, 1914, 9ч.68, л.30.
19. ГАРФ, ф.102, оп.245, 1915, 9ч.68л.Б, л.11.
20. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 5ч.68, л.2 об.
21. ГАРФ, ф.102, оп.244, 1914, 9ч.68, л.30.
22. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.68л.В, л.1.
23. ГАРФ, ф.102, оп.247, 1917, 5ч.68, лл. 1-2.
24. ГАУО, ф.76, оп.7, д.1535, л.1.
25. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.68.Б, л.5 об.
26. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.68л.Б, л.5.
27. ГАРФ, ф.102, оп.246, 1916, 9ч.69л.Б, л.28.
28. ГАРФ, ф.102, оп. 246, 1916, 9ч.5л.Б, л.6.

SOCIALIST REVOLUTIONARIES OF THE MIDDLE AND LOWER VOLGA REGION IN 1911- EARLY 1917

© 2009 V.N. Kuznetsov

Ulyanovsk State Pedagogical University

The article covers various aspects of the history of socialist revolutionaries of the Middle and Lower Volga region in 1911- early 1917: organizational problems and changes in tactics caused by new political realities in the country; attitudes towards the war, struggle for influence on the masses. It is shown that socialist revolutionaries remained disorganized and few in number, they lost their ties with the masses, they didn't display any active work. During the years of the war the majority of socialist revolutionaries stood for revolutionary defensism and stopped their struggle against the government.

Key words: socialist-revolutionary, revolution, terror, revolutionary defensism, internationalism, propaganda, agitation, organization, group, legal organization, arrest.